

Если бы не Бог. Плёнка

Яна Янка

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Яна Янка

Если бы не Бог. Плёнка

<https://litres.ru/74040563>

SelfPub; 2026

Аннотация

Две реальности. В одной Бог наказывает, мать молится до кровавых коленей. В другой — личные демоны помогают выжить.

Девяностые. Подъезд пахнет мочой, самогоном и концом света. У девочки-подростка нет выбора, нет единомышленников. Только воображаемая подруга, которая поглощает крик души — слишком громкий для эмпатичной девочки.

Со временем подруга становится объектом ненависти. Она бесстрашная и злая настолько, чтобы выжить там, где любовь душит, а вера калечит. И девочке предстоит выбрать: остаться собой или позволить альтер эго захватить её жизнь.

«Нечистая сила — это я и есть», — шепчет подруга. Её голос звучит реальнее маминых молитв.

Это не хроника девяностых, а отблеск в треснувшем зеркале. Где смех хлещет по щекам после страха, а грань между безумием и выживанием тоньше лезвия. И где мама — тиран? Или жертва? Ответ зависит от того, в чьих руках зеркало.

Содержание

1992 год. Октябрь КАДР ПЕРВЫЙ “Янка”	5
КАДР ВТОРОЙ “Крестики-нолики”	10
КАДР ТРЕТИЙ “Бог”	16
КАДР ЧЕТВЁРТЫЙ “Свечи”	21
КАДР ПЯТЫЙ “Святая инквизиция”	24
Флешбэк в 80-е КАДР ШЕСТОЙ “Две бабули”	33
КАДР СЕДЬМОЙ “Дунькин рай”	36
1986 год. Начало мая. КАДР ВОСЬМОЙ “Горькая пилюля”	39
КАДР ДЕВЯТЫЙ “Белый коридор”	41
1986 год. Июнь. КАДР ДЕСЯТЫЙ “Мама из серванта”	44
1986–1991 годы. КАДР ОДИННАДЦАТЫЙ “Социум”	46
1992 год. Октябрь. КАДР ДВЕНАДЦАТЫЙ “Конец света”	49
1993 год. КАДР ТРИНАДЦАТЫЙ “Школьные будни”	52
1993 год. Сентябрь. КАДР ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ “Медосмотр”	56
1993 год. Октябрь. КАДР ПЯТНАДЦАТЫЙ “Инга”	59
1993 год. Декабрь. КАДР ШЕСТНАДЦАТЫЙ	62

“Лолкину ж мать”	
МЕЖДУ КАДРАМИ “Равновесие”	66
1994 год. Март. КАДР СЕМНАДЦАТЫЙ	68
“Лучик Елены Николаевны”	
1994 год. Апрель. ЗА КАДРОМ “Но пасаран!”	75
1994 год. Август. ПЕРЕСТРОЕЧНЫЙ КАДР	78
“Дефицит”	
1994 год. Сентябрь. КАДР ВОСЕМНАДЦАТЫЙ	81
“Мама Настя”	
КАДР ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ “Семья напрокат”	85
1994 год. Октябрь. ЗА КАДРОМ “Проклятая квартира”	93
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Яна Янка

Если бы не Бог. Плёнка

1992 год. Октябрь
КАДР ПЕРВЫЙ “Янка”

Эта история началась в сорока километрах от Москвы — в типовом советском посёлке, небольшом, с населением около семи тысяч человек.

Там, ближе к лесу, на четвёртом этаже блочной пятиэтажки жила девочка с косичками.

Ей было одиннадцать. Она сидела за уроками, ёрзала по стулу, грызла карандаш.

Грамматика с орфографией никак не укладывались в голове, цифры расплывались, а в ушах всё ещё звучали наставления училки: «Во всём должна быть точность!»

— С тобой на сегодня покончено! — бросила девочка, презрительно захлопнув тетрадь по математике.

Достала черновик и перечитала сочинение.

— Опять голубой шар, паутина, Коперник!.. Да что со

мною не так? Маме точно не понравится. Скажет: «Нужно как у всех», — сокрушалась она, вычёркивая одну за другой фразы наточенным карандашом.

Девочка, прилежная, послушная, верила: образование — это путь в светлое будущее. Так сказала Мама, а Мама, с какой стороны ни посмотри, всегда права. У неё ремень.

Устав от уроков, вышла из-за стола, выдвинула коробку с игрушками.

— Была бы у меня сестра, — вздохнула она, глядя на куклу, — ремня бы в два раза меньше влетало. Эй, Синди, ты станешь моей сестрой?

Кукла дала отрицательный ответ, повернув руками девочки голову слева направо.

— Так я и знала. Ты слишком резиновая для этого. Из тебя даже подружки хорошей не выйдет!

Девочка убрала игрушки и вновь взялась за сочинение. Но неугомонные мысли унесли её за тридевять земель. И вот она уже шла по лесной тропе к Волшебнику Изумрудного города, надеясь, что тот подарит ей лучшую подружку.

Неожиданно фантазии рухнули — словно кто-то щёлкнул выключателем, и она услышала:

— Вообще-то «Коперник» с большой буквы пишется.

Услышала так, словно кто-то в голову ей влез и думает за неё чужими мыслями.

Карандаш выпал из рук. Замерла. Кровь будто отхлынула — руки похолодели.

— Ты кто? — шепнула она, чувствуя, как бешено колотится сердце.

— Не знаю, — растерянно ответил голос.

Девочка вздрогнула, спрыгнула со стула. Половица скрипнула — и тишина. Простояла на месте несколько секунд, не шевелясь. А потом, отодвинув черновик в сторону, решила: «Уроков на сегодня точно хватит».

Не переставая думать о таинственном голосе, прокрутила: «Коперника не так написала...» — и буркнула:

— Подумаешь! — Прислушалась. — Никто не ответил. — Точно почудилось.

Девочка довольно улыбнулась, но тут же поймала себя на мысли: «Лучше бы всё-таки не почудилось...»

А голос и не думал исчезать. Появлялся вновь и вновь.

Рос, заполнял голову, метался. Звучал всё громче, перетасовывая мысли, как колоду карт. Девочка искала ему форму в воображении, а когда нашла, сразу же вытряхнула наружу.

— Здесь твоё место, — сказала она, указывая на мебельную стенку.

Тут же голос выпрыгнул из головы прозрачным силуэтом и юркнул в нижний шкафчик.

Путаница в мыслях превратилась в разборчивый диалог, и девочка вздохнула с облегчением. Из шкафчика голос теперь выходил только с разрешения девочки — забирался обратно в голову и они молча болтали, куда бы та ни пошла.

Как голос оказался в голове, девочка точно не знала. Может, он вырос из пустоты — потому что гравитация нарушилась, наступил хаос, и мысль обрела новую форму. Она не стала в этом разбираться. Голос избавил от одиночества — и страх потерять его взял верх над любопытством.

Со временем голос превратился в лучшую подружку: прозрачную, небольшую, размером с ладошку.

Девочка обустроила её шкафчик по всем правилам. Печально окинув взглядом свою однушку, решила: «Пусть хоть у неё своя комната будет».

Подружку девочка назвала Яной. «Яна — имя красивое,

— решила она. — Редкое, звучное».

Но подружка топнула прозрачной ножкой, на мгновение став ярче:

— Не Яна, а Янка! Так круче звучит.

Девочка не возражала. И так, и так, имя лучше, чем у неё самой.

Её саму Мама Дунькой назвала в честь прабабки.

Имя — как приговор, да ещё и внешность подкачала.

— Неуклюжая, долговязая, страшенькая — копия отца.

Так Мама подругам сказала, а Дунька подслушала.

С тех пор совсем сникла.

— Будто одноклассников мне мало. Теперь ещё и Мама...

— всхлипнула она, вспомнив школу.

Там насмешки, издевательства со всех сторон летят, словно острые стрелы. Пробивают насквозь.

Больно.

КАДР ВТОРОЙ

“Крестики-нолики”

Мама Дуньке досталась буйная, горластая, точно ураган. С работы как явится, так всё сразу с ног на голову переворачивается.

Успокаивается быстро. Ей главное — не перечить. Потом на кухню идёт, сидит — курит. Но и тогда к ней лучше не приближаться. Говорит, устала, одна побыть хочет:

— Одна, мать его за ногу!

По субботам — другое дело. К ней подруги приходят. Закрываются на кухне, болтают без умолку, расслабляются. Спиртное хорошо языки развязывает. Мама после него доброй делается и счастливой.

В остальные дни Дунька в комнате одна сидит: читает или прячется за страницами личного дневника. Пишет символами, чтобы Мама разобрать ничего не смогла, а то надумает чего лишнего.

В тот вечер как раз с дневником возилась, когда дверь резко распахнулась.

Вошла Мама.

Властная, крупная женщина сорока лет нависла над Дунь-

кой, как грозовая туча. Та еле успела дневник прикрыть, нервничает.

— Что это ты там прячешь? — заворчала Мама.

— Ничего не прячу, просто испугалась, — лопочет девочка, а у самой сердце колотится, словно выпрыгнуть надумало.

— Было бы нечего прятать — не закрывала бы тетрадь! А ну, давай сюда! — истерично кричит Мама, хватая дневник за обложку.

Дунька вжалась в стул, упёрлась; на глаза слёзы наворачиваются.

— Не трожь, — говорит. — Порвёшь!

— Дай сюда, я сказала! Отдай, гадина!

Янка по столу бегаёт туда-сюда, за подружку переживает и протяжно так молит:

— Отдай тетрадку матери, пусть отстанет. Всё равно ничего не разберёт.

Тут Дунька как отпустит тетрадь — Мама от неожиданности на попу так и хлопнулась. Сидит на полу и в символы пялится.

— И что это за крестики-нолики? Ты умом тронулась? У всех дети как дети, а ты... Сидит на шее, ноги свесила и шифровки строчит. Вся в папашу! Лентяйка! А я-то дура — взвалила себе на плечи тяжкий крест и волочу. День-деньской на работе, чтобы на кусок хлеба заработать...

Янка всхлипывает, Дуньку жалко. Забралась ей на плечо и шепчет в ухо:

— Ты самая лучшая, самая красивая. У всех дети как дети, а ты — принцесса.

— Уроки сделала? — не может остановиться Мама.

Словно поезд на полном ходу прёт, сносит всё на своём пути.

— Сделала, — бормочет Дунька.

— Смотри мне, проверю. Если наврала — все твои крестики в мусорку полетят, вслед за ноликами!

Не успела Мама закрыть за собой дверь, как в дневнике появилась свежая запись.

«Жизнь — дерьмо, а солнце — ёбанный фонарь», — нацарапала Дунька неразборчивым почерком.

Потом зачеркнула так, что на странице появилась рваная дыра.

Она эту «мудрость» из подъезда приволокла — со стены второго этажа. Глазами скопировала и намертво сохранила в памяти. С тех пор крутила её в голове, не зная, куда пристроить.

Ближе к ночи Мама явилась вновь. Проверила уроки, не нашла к чему придраться и всё же недовольно хмыкнула:

— Как курица лапой пишешь, бестолочь!

Потом вернулась на кухню, демонстративно захлопнув за собой дверь.

Тут Дунька совсем духом пала, ощутив безысходность. И всякие дурные мысли в голову ей полезли — словно черви после грибного дождя. Весь мозг расковыряли. Весь он в кудрявую дырочку сделался.

— Эх, Янка... Мне бы Маринкой стать или Ксюхой. У них папка добрый и мамка счастливая, — пробормотала Дунька и отодвинула штору.

В окнах соседней многоэтажки мелькали фигуры уставших людей.

— Люди так незначительны, так не важны, что стань их в одну секунду на тысячу меньше, ничего бы не изменилось, — выдохнула она. — А исчезни я — так крест тяжкий с Мамакиных плеч наконец бы упал на землю. И воткнула бы она его в холмик на моей могилке. Ей ведь быть хорошей мамой на учительскую зарплату трудно.

И до того Дуньке Маму стало жалко, что легла она на спину, руки на живот сложила — и лежит, умирает. А когда умерла совсем, похороны свои представлять стала — и так хорошо на душе сделалось, так легко! И сама она лёгкой стала, как пёрышко, не то что при жизни: тяжкий крест, а не девочка.

Янка сидела рядом. Вразумить не пыталась — пусть, дескать, девочка хоть так покой найдёт, пофантазирует. Лучше, чем если по-настоящему чего с собой сотворит.

Мама легла спать раньше обычного. Храп выдернул Дунь-

ку из фантазий. Она села на край дивана и уставилась перед собой. Силуэт Янки проскользнул через лунную дорожку на ковре и растворился в темноте. Дверца шкафчика скрипнула. Дунька вздохнула и забралась под одеяло.

«Завтра будет новый день», — зевая, подумала она и погрузилась в сон.

КАДР ТРЕТИЙ “Бог”

Каждый вечер, когда Мама возвращалась с работы, Дунька выслушивала: сначала — крики уставшей от всего женщины, потом — нравоучительные проповеди ответственной матери, а следом — вечернюю молитву смиренной божьей рабы.

Мама стояла на коленях в углу и вопрошала о милости, не сводя взгляда со святых ликов.

— Лучше бы собой занялась, — горевала Дунька, искоса поглядывая на лохматую мать.

Тем вечером после молитвы Мама, охнув, встала с колен и от резкой боли в спине невзначай матюгнулась. Подняла голову к иконам, перекрестилась и шлифовала только что прочитанную молитву репликой:

— И за это прости, Господи.

После, виновато взглянув на Дуньку, заключила:

— Грех может приключиться с каждым. Главное — верить и каяться. Лучше три раза в день.

Дунька считала, что трехразовое покаяние требует трехразовых прегрешений, и предпочитала не грешить вовсе. Она так и говорила Маме:

— Так ты не греши, Мамочка, — и каяться не придётся.

Но Мама, не желая признавать простых истин, переводила стрелки на дочь:

— Ну надо же, какая правильная выискалась! А что матери перечишь — это не грех?

— Грешно ли иметь собственное мнение? — продолжала нарываться на ремень Дунька, рискуя благополучием собственного зада.

Зад потом долго болел, но Дунька испытывала особенное удовлетворение, когда — редко, хоть в месяц раз — позволяла себе слегка опротестовывать святые истины.

Мама фанатела от икон. Каждый раз, возвращаясь из храма Господня, она приносила с собой новую партию. Их уже некуда было ставить, но она не сдавалась. Сдвигала их ближе друг к другу и сердечно извинялась перед каждым ликом отдельно за доставленные неудобства.

Дунька посмеивалась над ней. Заметив это, Мама хвата-

лась за ремень и тащила её к иконам — молить о прощении.

Дунька старалась объяснить Маме на знакомом ей языке то, что хотела бы сказать на простом, человеческом:

— Благими намерениями выстлана дорога в ад, МАМА!
— кричала она, пятась от проклятых образов.

Но Мама её не слышала, как будто у неё не было ушей. Хватала дочь за шкуру и тащила обратно.

— Изыди, нечистая! — орала она в ответ на Дунькины эскапады и тараторила молитвы под треск жёлтых свечей.

Жёлтый цвет Мама обожала. Её зонт, халат, зубная щётка и даже мыльница в ванной были жёлтыми. Дуньке этот цвет напоминал прокисшее молоко и личинок колорадских жуков, умирающих в бутылке с керосином возле бабулиного сарая.

После каждой взбучки Мама становилась для Дуньки жёлтой, и в такие моменты она переполнялась к ней ненавистью.

Веру в Бога Мама подхватила в поезде от батюшки, как простуду. Тот запугал её гневом господним так, что Мама теперь не переставала каяться даже во сне.

На Дуньку Бог не произвёл того же впечатления. Напротив. Прочитав — по настоянию Мамы — детскую Библию,

она широко улыбнулась и сформировала своё собственное мнение. Библейский сюжет выглядел абсурдным — словно одна из невероятных историй барона Мюнхгаузена.

Об этом своём мнении она не заикалась с тех пор, как Мама отхлестала её ремнём на глазах у своих подруг.

Была суббота. Мама расслаблялась на кухне. Зашёл разговор. Дунька ляпнула — Мама взбесилась. А потом принялась выбивать из дочери дурь и нечистую силу.

— Нина, так нельзя, она же ещё ребёнок, — возмущалась одна из подруг, оттаскивая разъярённую мать от Дуньки.

— А я вот считаю, что строгость не помешает, — возрадила другая, стряхнув пепел в блюдце. — Без ремня из неё нормального человека не вырастет.

Дунька сидела на полу, сжавшись в комок, и поскуливала, словно собачонка.

А внутри она кричала — громко, жалобно. Янка обнимала её, и Дунька почти не чувствовала боли.

— Бог злой. Мама из-за него такой стала, — едва сдерживая гнев, прошипела подружка. — Мы своего Бога придумаем, хочешь?

Дунька шмыгнула носом, кивнула и, обхватив себя рука-

ми, будто обнимая Янку, тихо прошептала: «Хочу».

КАДР ЧЕТВЁРТЫЙ “Свечи”

Вернувшись с работы вечером следующего дня, Мама первым делом зажгла церковную свечу. Взяла её в руки и стала бродить вдоль стен, осеняя крестом каждый угол. Свеча коптила серым дымом и издавала отвратительный запах.

— Трещит! Дунька, ты слышишь? В углах — сильнее! Там нечистая сила злых духов рассадилась, точно тебе говорю! — вдруг заорала она.

Дунька вздрогнула, предусмотрительно встала и хотела выйти. Но Мама метнулась к ней и преградила путь рукой.

Бросив грозный взгляд, Мама принялась ходить вокруг неё. Возле Дуньки свеча затрещала пуще прежнего — сильнее, чем в углах. И Дунька, не удержавшись, ляпнула:

— Судя по всему, нечистая сила — это я и есть.

Получив подзатыльник, села на пол и зарыдала. Иногда рыдания срабатывали, и Мама смягчала свой гнев. Но не в этот раз.

Резким движением она схватила Дуньку за руку, отбросила на диван, сжала её щёки и с ненавистью во взгляде зарычала:

— Как же ты меня достала! Всю жизнь мне испортила! Будь проклят твой отец и тот день, когда я тебя родила!

Слова Мама хлестнули почище ремня. На мгновение Дунька перестала дышать. Словно проклятие сработало мгновенно, сковав её изнутри. Она стояла неподвижно несколько секунд, а потом, когда Мама, хлопнув дверью, вышла из комнаты, рухнула на пол и зарыдала.

Янка молча смотрела на Дуньку, но в этот раз в её глазах мелькало что-то гневное. И она впервые вышла из себя.

— Надо быть с ней жёстче! Если твоя истеричная мать не желает тебя понимать, взяла бы и ушла из дома на пару часов. Пусть поволнуется. Сколько можно её терпеть! Даже я от неё уже устала, — заявила она.

Дунька дёрнулась.

«Истеричная мать? Так грубо, холодно...» — удивилась она, не узнавая подружку.

В её совете скользила злоба, но чувствовалась такая убежденность, что Дунька невольно задумалась:

— Может и правда уйти? Снять с антресолей сумку, забросить в неё несколько книжек, захватить банку сгущёнки и податься на вольные хлеба — туда, где хорошо.

Но духу ей не хватило.

— Зря боишься, — разочарованно шепнула Янка, отползая в шкафчик. — Я тебе добра желаю.

Дунька закрыла за ней дверцу и села на пол. В комнате стало тихо. Слишком тихо.

— Странное у тебя добро. Злое какое-то, — шепнула она в пустоту, рассчитывая, что Янка её не услышит.

КАДР ПЯТЫЙ

“Святая инквизиция”

Выкуривать злых духов Маму научила коллега. Она увлеклась эзотерикой и со временем превратила своё хобби в основной заработок. Она была слишком деятельной и рвалась спасать всех, кто попадался под руку — надо и не надо.

Спасать Дуньку она явилась во время грозы — в зелёных резиновых сапогах и болоньевой куртке болотного цвета. Куртка насквозь промокла, скукожилась и напоминала жабью кожу.

Когда раздался звонок в дверь, Дунька сидела у окна и разглядывала грозовые тучи. Она любила смотреть, как плачет природа, изливая осеннюю тоску в огромные лужи.

— Ах, Наталья Филимоновна, как я рада, — затараторила Мама. — Проходите скорее. Зонт можете здесь поставить — на тряпочку, пусть стечёт. И обувь тоже, — хлопотала она.

Тапки Мама никому не предлагала — во избежание заражения грибком. Отмыть пол от грибка было гораздо проще, чем отстирать тапки.

Уладив формальности, Мама заглянула в комнату и позвала Дуньку. Дунька вышла, мельком взглянула на гостью

и сразу опустила глаза.

— Здравствуйте, — смущённо сказала она.

— Здравствуй, Дуня. Меня зовут Наталья Филимоновна, но ты можешь называть меня тётя Наташа.

Дунька не нашлась, что ответить, и продолжила стоять на месте, полная растерянности.

— Что же мы на пороге стоим, проходите, Наталья Филимоновна! — защебетала Мама.

К удивлению Дуньки, Мама пригласила её в комнату. Обычно гости сразу шли на кухню. После этого деревянная дверь с рифлёным стеклом плотно закрывалась от Дунькиных глаз и ушей. Лишь силуэты, выпускающие изо рта клубы сигаретного дыма, и приглушённые голоса напоминали о том, что Мама не одна.

— Расскажи-ка, Дунечка, чем ты занималась, пока я не пришла? — начала тётя Наташа.

— Поливала цветы, — спокойно ответила Дунька.

Наталья Филимоновна окинула взглядом комнату — ни

одного растения. Удивлённо посмотрела на Маму.

Мама тут же вышла из себя.

— Шутишь опять?

— Совсем даже нет, — хлопая длинными ресницами, ответила Дунька. — Мне всегда хотелось, чтобы в комнате было много растений. Время от времени я представляю, что они здесь есть, и мысленно их поливаю.

Несколько ошарашенная Наталья Филимоновна выказала растерянность, но уже через мгновение собралась.

— И часто ты проводишь время в своих мыслях? — уточнила она.

— Конечно, тётя Наташа, — ответила слегка осмелевшая Дунька. — Любому человеку следует так поступать. Люди должны не только надеяться на хорошее, но и внушать себе это. Иначе с ума сойти можно! Я это в книге вычитала.

— Нашла что читать, — буркнула Мама, на несколько секунд забыв о любезностях.

— И вообще, человеку свойственно предаваться мечтам и воображать лучшую жизнь, — парировала Дуня.

— А чем же, Дунечка, тебя твоя жизнь не устраивает?

Дунька посмотрела на Наталью Филимоновну. Ей очень хотелось рассказать той обо всех тяготах, что сопровождали её жизнь. Но взгляд Мама удержал девочку от опрометчивого поступка, и она ответила то, что, по её мнению, хотели услышать женщины:

— Что вы, тётя Наташа, меня всё устраивает. Просто иногда в меня вселяется нечистая сила, и я поддаюсь её козням. Мама молится за меня каждый день — вон там, перед иконами, не щадя больной спины. Стоит на коленях и молится, а я ... Эх, тварь я неблагодарная...

Мамин взгляд заметно смягчился, и Дунька расслабилась.

— Во-о-о-от, я так и знала! — протянула Наталья Филимоновна. — Даже ребенок понимает, что именно с ним не так!

«Со мной всё-таки что-то не так», — усмехнулась Дуня глубоко внутри.

Тут же Наталья Филимоновна перешла к действию.

— Сейчас мы, Дунечка, начнём сеанс очищения. Вставай напротив меня, столбиком вытянись железобетонным, и замри.

Дуньке хотелось оттолкнуть тётю Наташу и сбежать, но страх перед ремнём заставил одуматься. И она, застыв в несвойственной живому человеку позе железобетонного столба, покорно стояла, ожидая дальнейших указаний экзорциста.

Гроза не унималась — будто сам Боженька гневался на Маму и тётю Наташу, низвергая с тяжелых туч электрические разряды.

— Господи, помилуй, — перекрестилась Мама, услышав раскат грома.

— Спаси и сохрани, — подхватив крестное знамение, прошептала тётя Наташа.

Они стояли перед окном, подавшись корпусами вперёд. Руки шаловливо порхали от лба к животу, от плеча к плечу.

Дунька смотрела на Янку, с любопытством наблюдающую за ходом событий из открытого шкафчика. Ей можно было смеяться — и она это делала, сидя на дверце:

— И вот эти женщины внушают девочке, что с ней что-то не так?! Позвольте, с ней ли?

Закончив смиренные молитвы, Мама и тётя Наташа вернулись к Дунькиным проблемам.

— Итак, — властно произнесла Наталья Филимоновна, — когда я попрошу тебя закрыть глаза, ты должна будешь их закрыть и повторять то, что я буду говорить. Ты поняла? Если поняла, кивни.

Дунька покорно кивнула.

— Хорошо, — максимально серьёзно продолжила тётя Наташа.

Вмиг её голос переменялся. Она завопила так, что Янка свалилась с дверцы и укатилась вглубь шкафчика:

— Господи помилуй, господи помилуй! Приди в дом наш, явись перед лицами нашими. Вступи в схватку с силой нечистой, живущей в дите невинном, и вынь её наружу. Брось на пол, истопчи святыми ступнями, а остатки силы той нечистой заточи навеки вечные в Тартар.

Дунька терпела из последних сил.

Она стояла в полумраке, среди сонма горящих свечей. Тётя Наташа, держась недопустимо близко, источала отвратительный запах пота и эмоционально жестикулировала — словно нарочно распространяя его по комнате. Дунька почувствовала, как к горлу подступает тошнота, и сделала шаг назад.

— Не двигайся! — незамедлительно крикнула Наталья Филимоновна, схватив Дуньку за плечи. — Прервёшь энергетические потоки — делу навредишь!

Дунька испуганно взглянула на тётю Наташу, которая, поймав её взгляд, резко сменила тон.

— Закрой глаза, дитя моё, и повторяй за мной, — патетически произнесла Наталья Филимоновна и тут же запустила процесс очищения:

— Бог велик!

— Бог велик, — повторяла Дунька, стоя перед женщиной с закрытыми глазами.

— Бог всемогущ! Бог дарует мне волю устоять перед силой нечистой и обрести душевный покой...

Дуня, слегка запинаясь, повторяла всё, что несла тётя Наташа, и ей казалось, что этот балаган никогда не закончится. Когда тётя Наташа завершила сеанс, Дунька саркастически перекрестилась.

— Сработало, — возрадовалась Мама, — Наталья Филимоновна, вы просто находка! Дунька отродясь не крестилась, а тут... Сама! Без указаний!

После завершения сеанса тётя Наташа прошлась вдоль стен с зажжённой свечой. Свеча трещала заметно меньше, а возле Дуньки совсем стихла.

— Это знак! — тыча пальцем в потолок, возвестила Наталья Филимоновна. — Ну что ж, для первого раза вполне неплохо.

Наталья Филимоновна довольно улыбнулась, и они с Мамой отправились на кухню — запивать успех чаем.

— Для первого раза?! — изумилась Дунька. — Как, ещё второй будет?..

— Бу-у-дет, — уныло протянула Янка, выглядывая из шкафчика.

Дунька, обернувшись к подружке, удручённо опустилась на диван.

Так и жила она изо дня в день — вздыхая и вспоминая прошлое. Там было хорошо — ни Мамы, ни бога.

Флешбэк в 80-е КАДР ШЕСТОЙ “Две бабули”

Кроме Мамаы у Дуньки были только бабули. Отец отвалился от их семейного древа сразу после её рождения, как сухая ветка.

Бабули жили далеко, за две тысячи километров, в небольшом рабочем посёлке у кирпичного завода. Их дом условно делился на две половины. В одной жила баба Шура (мамина мать). Во второй — сестра маминого отца. Домашние называли её Лёлей. Так и повелось.

Баба Шура, как и все местные жители, гэкала и окала. А вот баб-Лёля не позволяла себе коверкать великий русский язык. Они с братом — Дунькиным дедом — выросли в Ленинграде, в аристократической семье. Получили высшее образование и знали несколько языков.

Баба Шура вошла в их интеллигентную семью с колоритным местным акцентом, обрушив на утончённых родственников глыбу деревенской простоты.

Она, хоть и была образована (преподавала, как и баб-Лёля, в местной школе), всё же не играла на рояле, не вышивала крестиком и даже (о ужас!) не знала французского. Поэтому баб-Лёля невзлюбила её сразу.

Деда Дунька не знала. Когда она появилась на свет, его

уже не было. Он ушёл рано. Тромб.

Дом повторял характеры бабуль с невероятной точностью. Половина баб-Лёли всегда была в тени: мох на крыльце, серые обои, понурые цветы.

Но внутри, в самой большой комнате, пряталось настоящее чудо — библиотека.

Стеллажи, тянущиеся, словно лианы, от пола к потолку, были плотно заставлены книгами в несколько рядов. Вечерами библиотека оживала и наполнялась спрятанным от дневного света уютом. Вместе с ней оживали и книги.

Дунька обожала библиотеку с её неповторимым книжным запахом и проводила там массу времени.

Половина бабы Шуры, напротив, излучала тепло. Она нежилась в лучах солнца с утра до позднего вечера.

Её день непременно начинался с зарядки, а после она принималась за готовку. С самого раннего утра дом благоухал ароматом булочек, сырников, блинчиков, драников. Список бабулиных кулинарных шедевров казался бесконечным.

Баба Шура была статной, высокой и полной. Внешне напоминала секретаря райкома: осуждающий взгляд, строгая — с иголки — одежда.

Но с Дунькой, как будто по волшебству, она становилась

совсем другой — мягкой.

— Идём жалеться! — подзывала бабуля, и они радостно погружались в теплые объятия друг друга.

Баба Шура прижимала внучку к широкой, как русское поле, груди, а Дунька старалась обхватить её за талию, но талии у бабули не было.

Дунька считала её всесильным великаном, который защищает от любой опасности, и не могла представить бабулю худой.

«Как вообще бабушки могут быть худыми? — думала она, глядя на сухих старушек. — Разве это бабушки?»

А вот баб-Лёля, хоть и была тоже крупной и сбитой, харизмой не блистала. Она была бездетной, одинокой и несчастной. Несколько раз даже пыталась уйти из жизни, наевшись таблеток. Дуньку она любила, а с бабой Шурой ужиться не могла.

И это их вечное противостояние, напоминавшее Дуньке шуточное представление, было частью её счастливого прошлого.

КАДР СЕДЬМОЙ “Дунькин рай”

Главной причиной бабулиных раздоров всегда оказывался товарищ Сталин. Баб-Лёля билась за его гений до пены у рта, а баба Шура при его упоминании плевалась в пустоту:

—Тьфу, чёрт бы его побрал! — говорила она, вспоминая ушедшие времена.

Когда сталинский режим пал, баб-Шура переместила его портрет на внутреннюю сторону двери уличного туалета.

— Вот тут тебе самое место, — каждый раз говорила она, запирая дверь на щеколду.

Портрет выкинула лишь спустя два года — когда окончательно убедилась: даже Сталину не под силу восстать из мёртвых.

Она сама фанатела от Ленина, как Мама от Иисуса. И так же как Мама в церковь, неизменно ходила к его памятнику, который стоял на центральной площади посёлка.

В моменты обострения стойкой неприязни стареющих женщин друг к другу баба Шура вставляла деревянную швабру в массивную ручку межкомнатной двери. Так она разделяла дом на две части — ровно пополам. Тогда Дунь-

ке приходилось оббегать дом снаружи, чтобы попасть в «зашвабренную» половину через личное крыльцо одной из бабуль.

По прошествии определённого времени бабули мирились, и деревянная швабра возвращалась на своё место.

Дунька не понимала, о чём спорят два любимых великана, но её забавляли серьёзные лица старушек, отвоёвывающих свою территорию.

Дунька окала и гёкала похлеще бабы Шуры. Да ещё и мастерски материлась. Потому что дощатый забор, отделявший бабулин дом от вино-водочного магазина, не препятствовал проникновению на территорию двора неподходящей для детского уха цветастой брани местных алкоголиков.

Даже её первые слова не вызвали ожидаемого умиления. Однажды, взглянув на бабу Шуру, несущую в руках ведро с водой, Дунька выдала целый поток нецензурной брани.

— Куда потащилась, блядина заморская! — совершенно неожиданно для баб-Лёлиного культурного уха проокала Дунька.

Баб-Лёля так и свалилась в палисадник, за что незамедлительно получила нагоняй от бабы Шуры: дескать, розы та ей помяла своим задом.

Первые слова Дуньки ошеломили баб-Лёлю. Когда та

немного подросла, она взяла воспитание внучатой племянницы под собственный контроль. Рояля в доме не оказалось, французский вылетел из головы лет тридцать назад, но английский она всё ещё помнила.

— Пусть лучше на иностранном матерится — во избежание позора, — рассудила баб-Лёля и сдула пыль со старых учебников.

Бабули растили Дуньку до пяти лет.

Мама отчаянно пыталась покорить столицу и обзавестись в ней жильём.

А Дунька просто жила, не задумываясь о светлом будущем, о котором твердили бабули, как только речь заходила о Маме.

Домашняя атмосфера напоминала рай. В нём она, словно облако, витала от книжные запахов к пирожковым ароматам. Туда — обратно.

1986 год. Начало мая. КАДР ВОСЬМОЙ “Горькая пилюля”

Мать Дунька знала плохо. Та даже грудью её кормить не стала. Она появлялась редко. Её приезды напоминали набеги печенегов — были внезапными, непродолжительными и опустошающими. Приезжала с пустыми руками, а уезжала с набитыми до невозможности застегнуть молнии сумками.

Мама появлялась на неделю летом, иногда на пару дней в новогодние праздники.

В год Дунькиного пятилетия Мама наконец обзавелась своим жильём. В Андреевке — посёлке близ Подмосковья. Вскоре она купила билеты на поезд и дала телеграмму.

Получив весточку, баба Шура незамедлительно приступила к сборам.

Когда чемодан, доверху набитый Дунькиными вещами, перестал закрываться, бабуля села на пол и зарыдала. Она не думала, что Мама заберёт Дуньку так скоро.

Баб-Лёля проглотила Мамино решение с трудом, как горькую таблетку без оболочки. Какое-то время она даже с ней не разговаривала.

Сама Дунька обрадовалась, когда узнала о предстоящем переезде. Но она не догадывалась, что к Маме бабули с ней

не поедут, что они будут жить отдельно, а ей придётся остаться один на один с практически незнакомой тёткой.

Баба Шура это дело скрывала, а вот баб-Лёля, у которой язык был как помело, проболталась. Она и предположить не могла, чем всё закончится.

КАДР ДЕВЯТЫЙ

“Белый коридор”

Узнав правду, Дунька впала в истерику. Она кричала, била ногами по полу, а потом вдруг замолчала. В носу защекотало, по губам потекла горячая струйка.

— Ба, у меня кровь! — захлёбываясь слезами, закричала она.

Баба Шура бросилась к ней, прижала платок к носу. «Я опять умираю?» — мелькнуло в голове у Дуньки, и она закричала ещё громче.

Носовые кровотечения случались и раньше. Но в ту ночь кровь не удавалось остановить ни одним из известных бабулям способов.

Скорая приехала быстро и увезла бабу Шуру с Дунькой в затуманенную заводскими выхлопами даль.

Сирена выла, машина тряслась на ухабах. Баба Шура прижимала Дуньку к груди, гладила по голове и шептала:

— Тихо, родная, всё хорошо. Уже почти приехали. Врачи помогут.

Дунька слышала её голос, но ей казалось, что она уплывает куда-то далеко, в темноту.

Больница стояла на окраине посёлка, в окружении высоких деревьев. Небольшое кирпичное строение с выгоревшим на солнце крестом над входом.

Баба Шура взяла Дуньку на руки и вошла в приёмный покой, где ей велели ждать санитаров. И она ждала: в белом-пребелом больничном коридоре сидела пожилая женщина в резиновых калошах и домашнем халате. С её рук свисало тонкое, обессиленное потерей крови тельце с двумя огромными кровавыми тампонами в носу. Люминесцентная лампа непрерывно мерцала, придавая картине ещё большую безысходность.

Дунька казалась слишком лёгкой, практически невесомой, будто её тело медленно растворялось, превращаясь в ангельскую сущность. Баба Шура держалась из последних сил и уже готова была закричать, когда появились санитары и спешно унесли девочку в темную часть коридора. Тьма поглотила Дуньку, а бабулю поглотил страх неизвестности. Её сознание пережёвывало одну и ту же фразу: «Не уберегла».

Примерно через час доктор, благоухающий вчерашним юбилеем, принес Дуньку обратно и благосклонно заявил:

— Ничего, ничего, бывает. Девочка эмоциональная, рос-

лая — вот сосудики и не справились. Пока кровотечение остановили. Если повторится, вызывайте снова — отправим в районный центр на обследование. Отказ от госпитализации только подпишите.

Доктор нацарапал на небрежно оторванном листке бумаги какие-то рекомендации. Баба Шура собрала последние силы и выдавила из себя благодарность.

— Езжайте с богом, — ответил доктор, а потом скрылся в дальней части тёмного коридора.

Баба Шура сжала листочек трясущимися руками. Как только пришла в себя, скрупулёзно принялась за выполнение рекомендаций. Попутно проштудировала вырезки из газет и настенных календарей — их она копила годами. Теперь, помимо витаминов, Дунька принимала контрастный душ, пила отвары из чудодейственных трав и занималась гимнастикой по утрам. Она шла на поправку и совсем забыла о предстоящей разлуке. Наслаждалась своим босоногим детством рядом с любящими бабулями.

Но, как бы ей ни хотелось остаться в прошлом, перемены уже стояли на пороге, приоткрыв дверь в будущее. И та ночь стала последней, когда Дунька чувствовала себя нужным, желанным ребёнком; когда ощущала безопасность.

1986 год. Июнь. КАДР ДЕСЯТЫЙ “Мама из серванта”

Несмотря на возражения, Дунька называла мамой бабу Шуру. Когда всё только началось, та поставила фотографию настоящей Мамы в сервант рядом с портретом Ленина.

— Вот твоя мама, — строго сказала она. — А я бабушка, поняла?

Девочка широко раскрыла глаза, хлопнула ресницами и ответила:

— Да, мам, поняла.

В отце Дунька не сомневалась. Им она считала вождя мирового пролетариата. Все вопросы о настоящем отце оставались без ответа, поэтому его образ она слепила себе сама из того, что было.

Баба Шура копалась в огороде, когда настоящая Мама приоткрыла скрипящую калитку, прошла по знакомой тропинке к крыльцу и, распахнув тяжёлую входную дверь, вошла в дом.

Услышав шаги, Дунька словно партизанка проползла вдоль стены и притаилась за углом. Рассмотрев Маму, она принялась ждать, когда за ней появится Владимир Ильич — раз уж на фото в серванте он стоит у неё за спиной.

Увидев Дуньку, Мама присела и раскрыла объятия:

— Дунечка! Иди скорей ко мне! — воскликнула она. — Я так соскучилась!

Дуня, крадучись, подошла к ней, холодно посмотрела, а потом кинулась во двор с отчаянным криком:

— Ма-ма, у нас там тётка из серванта!

Бабуля бросила тяпку и вбежала в дом.

Она крепко обняла Маму. Почему-то заплакала. Взяла Дуньку на руки и долго объясняла то, что ей совсем не хотелось слышать.

А потом был вокзал. Поезд. Незнакомый посёлок. Мамины подруги с умилёнными взглядами и новая жизнь, превратившая детство в ад.

1986–1991 годы. КАДР ОДИННАДЦАТЫЙ “Социум”

Дунька с трудом привыкала к жизни в Андреевке.

Всё внутри сопротивлялось, отказывалось принимать новое.

Люди виделись озлобленными скелетами, обглоданными страшным чудовищем — мегаполисом. Все. Особенно Мама.

После просторного загородного дома Дунька очутилась в малюсенькой квартире, где не пахло булочками и блинчиками. Там стоял запах табака, перегара церковных свечей; витал ледяной дух одиночества. Оно пронизывало Дуньку насквозь. Мама напоминала снежную королеву из бабулиной сказки. Она скупилась на слова и ласки. Всегда заплетала Дуньке тугие косы — настолько тугие, что та напоминала ребёнка с базедовой болезнью. Казалось, она вплетала в них все свои обиды и злость.

Ко всем прочим Дунькиным разочарованиям добавился детский сад. Туда Маме приходилось таскать Дуньку волоком.

Каждое утро, пока она стягивала с Дуньки рейтузы, шубку и меховую шапку на тряпичных завязках (которые вечно запутывались в тугие узлы), Дунька визжала и брыкалась,

всеми способами препятствуя спешащей на работу Маме. Та молча терпела её выкрутасы, а потом передавала исчадие ада из рук в руки нянечке и бежала на работу.

Нянечка ещё долго успокаивала «самого неугомонного ребёнка за всю многолетнюю практику». На её руках Дунька извивалась, словно змея, пока воспиталка, уставшая от её криков, не ставила её в угол. Тогда Дунька замолкала, прерывисто всхлипывала и молитвенно просила бабуль забрать её домой.

В школе легче не стало. Всё пошло наперекосяк с самого начала.

Советскую систему образования лихорадило, и в первый класс Дунька не попала. В сентябре 1987 года с огромным белым бантом и азбукой в руках «перепрыгнула» во второй.

Здание школы, в которой она училась, до войны было госпиталем. После в нём сделали легкую перепланировку и косметический ремонт, превратив в нечто похожее на учебное заведение. Но там по-прежнему витал запах страданий. Затхлый, сырой, как в бабулином погребке, в котором выдернутый из грядки картофель пускал ростки, надеясь выжить. Коридоры в школе были узкими и витиеватыми, классы — маленькими. Спортзала не было вовсе.

Да ещё и классный руководитель — как из фильма ужасов. Не в меру худая, будто изможденная смертельной болезнью, она напоминала мощи пресвятого праведника. Та-

кие Дунька видела в чудотворящем монастыре под гробовым стеклом.

Её сухие кисти с выпирающими синеватыми венами особенно пугали малышей, которым старшеклассники рассказывали небылицы про мистическое происхождение училки.

На уроки физкультуры дети ходили в музыкальную школу. Там спортзал, как ни странно, был.

Учительница всегда шла впереди и, периодически оборачиваясь, выравнивала строй крикливыми приказами. Словно в ней родился, не реализовался, но всё же выжил товарищ прапорщик.

— Немедленно возьмитесь за руки и дышите друг другу в затылки! Не то я вам устрою Кузькину мать! — грозила она.

Строй выравнивался, но ненадолго. Мальчишки дышали в затылки девчонок, исполняя приказы училки буквально.

Кузькину мать никто не боялся, ибо, несмотря на регулярные угрозы, эту мать никто никогда не видел.

1992 год. Октябрь. КАДР ДВЕНАДЦАТЫЙ “Конец света”

В конце октября 1992 года с небес должен был спуститься Иисус Христос, чтобы забрать всех благочестивых христиан в своё царствие. А снизошедшему следом антихристу полагалось сжечь оставшихся на земле нечестивцев в геенне огненной. Так предсказали корейцы.

Новость о конце света распространилась по всей стране и долго муссировалась по телевидению. Взрослые, с виду разумные телеведущие в строгих костюмах, рассказывали о конце света как о рядовом событии, которое неизбежно должно наступить, — будто речь шла о простой смене времени года.

И вот в начале четвёртого класса пришло то самое время. По Дунькиным подсчётам, Иисус должен был застигнуть её врасплох аккурат к уроку физкультуры. Накануне она паниковала и не отходила от Мамаы ни на шаг. Умоляла не отправлять её на занятия и не оставлять одну. Но Мама не уступала. Она держалась на удивление спокойно.

— Не пропускать же работу! — возмущалась она.

— Так конец света же, Ма-а-ам, какая работа? Завтра уже

ничего на земле не будет... — ныла Дунька.

В тот день физкультура была вторым уроком. Дунька передела спортивный костюм, встала в строй и направилась в спортзал.

Стояла прекрасная солнечная погода. Октябрь радовал пестротой деревьев. Дунька шла в строю, разгребая ногами пожухшую листву, и время от времени поглядывала на небеса. Всё выглядело обычным: с неба не свисали ни верёвка, ни лестница, по которым Иисус мог бы спуститься на землю. Даже облаков практически не было. То маленькое, что проплывало прямо над ней, явно не уместило бы на себе целого Иисуса.

«Возможно, его спустят ангелы», — подумала Дунька, переступая порог спортзала.

После урока физкультуры небесная картина не изменилась. Иисус не парил в небесах на крылатом распятии. Антихрист не разводил пламя в огромном котле. Конца света не случилось.

Открыв глаза утром следующего дня, Дунька серьёзно усомнилась в адекватности Мамы и ещё больше возненавидела Бога. Она, как никогда, чувствовала себя одинокой и потерянной.

Тогда-то и появилась Янка. «Вообще-то “Коперник” с

большой буквы пишется», — сказала она. И чувство одиночества перестало быть таким острым.

1993 год. КАДР ТРИНАДЦАТЫЙ

“Школьные будни”

В школе Дуньку, если не дразнили, то игнорировали; если не игнорировали, то только учителя, со стороны которых внимания ей доставалось с лихвой.

Они видели в ней палочку-выручалочку и называли гордостью школы. За свою прилежность Дунька регулярно получала дополнительные задания — с той приятной оговоркой, что кроме неё никто больше не справится. Ей это льстило, но расплата за утешённое самолюбие всегда оказывалась чрезмерной.

Ей не раз приходилось рисовать плакаты на выданных под личную ответственность ватманах, на которых она до глубокой ночи выводила стимулирующие сознательность и бдительность ребят лозунги.

Она выступала на школьных мероприятиях, подтягивала успеваемость двоечников, отдувалась за весь класс на открытых уроках.

Янка каждый раз подстрекала её забить на прилежность и хотя бы раз получить двойку:

— Мать всё равно тебя пилит. Так, хоть будет причина...

Но Дунька смиренно продолжала волочить тяжкое бремя отличницы.

Однажды, когда её одноклассники сбежали с физкультуры, а потом были оставлены после уроков на принудительные работы, отбывать наказание пришла только Дунька. Выбора у неё не было: Мама работала в той же школе и запрещала её «позорить».

— Будь оно неладно! — негодовала она бабулиной интонацией, заталкивая в щели деревянных оконных рам вату и заклеивая их нарезанными на полоски газетами.

«Очередной несанкционированный митинг прошёл на Красной площади», — прочитала Дунька на одной из газетных полос, приклеивая её к окну возле парты Звонарёва.

Она не придала никакого значения заголовку, потому что мысли о Звонарёве, в которого она была влюблена со второго класса, показались ей более занимательными.

Однако она помнила, как похожие митинги чуть не переросли в гражданскую войну. Так сказала Мама, лёжа в полубморочном состоянии на диване, когда Дунька смотрела на танки, движущиеся по той самой Красной площади в телевизоре.

Но тогда её волновал совсем другой вопрос: почему площадь называют красной, если в телевизоре она совершенно чёрно-белая.

Звонарёв, сам того не осознавая, стимулировал Дунькин интерес к школе. Она смотрела на него, и хотя бы в фантазиях получала кусочек заветного подросткового счастья.

На пике чувств к однокласснику Дунька нашла в раздевалке чью-то тетрадь со стихами. Все они рассказывали о любви — взаимной или несчастной. Дуньке казалось, что автор стихов — некая одиннадцатиклассница, имеющая солидный опыт в амурных делах.

Поэзия произвела на неё сильное впечатление, и она даже пробовала писать сама. Но оказалось, таланта ей бог не дал. Так сказала Мама, когда без разрешения влезла в её записи.

— «Уплывает лето прочь... — цитировала она, усмехаясь, — через день и через ночь...» Лучше займись уроками. Папаша твой бездарный такую же чушь писал, чтобы не работать.

Убитая Маминым вердиктом, она на следующий же день вернула тетрадь в раздевалку и оставила поэзию в прошлом.

Если бы не Альбина Ильинична, преподаватель русского и литературы, Дунька бы совсем потеряла веру в себя.

Альбина Ильинична восхищала её своей добротой, выдержкой и блестящей памятью. Она говорила размеренно, делая заметные интонационные паузы между фразами.

— С чувством, с толком, с расстановкой, — говорила она.

Её речь была тихой и плавной. Под длинные монологи Альбины Ильиничны Дунька погружалась в мир прекрасного.

Как-то, стараясь угодить Янке, Дунька не сделала домашку назло Маме. По литературе задали прочитать рассказ про Великую Отечественную войну. Именно в этот день Альбине Ильиничне приспичило вызвать Дуньку к доске для краткого пересказа. Дунька на ходу сочинила историю про мальчика, который спасал бездомных кошек от фашистов. Она запинаясь, но слова лились сами.

Альбина Ильинична сразу всё поняла, но рассказ показался ей настолько живым, что она незамедлительно рекомендовала Маме заняться развитием творческих способностей дочери.

Маме польстило сказанное коллегой, но она уже давно разоблачила эти её «творческие способности» и признала их нечистой силой. Оттого ни о каком их развитии не могло идти речи.

1993 год. Сентябрь. КАДР ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ “Медосмотр”

Из года в год школьные будни Дуньки не менялись. Её дразнили — она молчала. Её отвергали — она мечтала. Её использовали — она верила: не со зла. Но чувство одиночества нарастало. Остаться собой она не могла уже даже наедине с Янкой.

Та топталась в Дунькиной голове, словно слон в посудной лавке. Рвалась в бой:

— Не молчи! Хватит. Прояви себя. Ответь на их оскорбления. У них что, нет недостатков?

— По сравнению с моими — нет, — уверенно отвечала Дунька.

— Не болтай! Вон у Инги твоей глазки маленькие, как у поросёнка. Подойди к ней и хрюкни, а потом скажи — скажи громко, — что она на свинью похожа. При всех!

— Да она меня уничтожит. Кто я, а кто она, — со страхом в глазах отвечала Дунька, чувствуя как по телу бежит холодок.

— Ха! Ну и пусть. Зато тебя перестанут считать пустым местом.

Дунька не слушала Янку, запирала её в шкафу и продолжала молча терпеть оскорбления. Но что-то в ней менялось, нарастало, и первый слабый протест она выказала на школьном медосмотре.

Тогда она оказалась стоящей по правую руку от медсестры. Её бугорки ещё едва были заметны.

Медсестра рассказывала раздетым до пояса девочкам о том, что такое грудь и как с ней управляться. Когда дело дошло до визуализации, правая рука женщины в белом халате — на носу которой тяжким грузом висели очки с толстенными линзами — нащупала Дуньку. Медсестра приблизилась вплотную. В нос ударил больничный запах, и Дунька попыталась отстраниться. Но та схватила её за обе руки, которыми Дунька прикрывала грудь, и развернула к классу.

Она оказалась в центре кабинета полунагой, растерянной и безоружной, с поднятыми вверх руками, стоя напротив одноклассниц, впившихся двадцатью парами глаз в её скромные половые признаки. Краска залила её лицо, а из глаз покатались слёзы.

Дунька попыталась высвободить руки, но медсестра вцепилась в неё ещё крепче. Дунька трепыхалась, стараясь избавиться от её цепких клешней. Но та, не обращая никако-

го внимания на деликатность момента, даже не собиралась сдаваться.

Тогда Дунька со всей силы укусила медсестру за ближайшее мягкое место — которое, к счастью, оказалось всего лишь предплечьем. Клешни медработницы разжались. Дунька схватила с кушетки школьную форму и бросилась вон.

Девочки потом ещё долго называли её недоразвитой и кривлялись, подставляя к своим налитым грудям скрученные из пальцев фиги.

— Дуры сисястые! — утешала Дуньку Янка. — А ты молодец, что вгрызлась в эту толстуху. Не дала себя в обиду.

1993 год. Октябрь. КАДР ПЯТНАДЦАТЫЙ “Инга”

После медосмотра Дунька свалилась с ангиной почти на три недели. В первый день после больничного, войдя в кабинет истории, застала одноклассниц скопившимися возле парты Инги. Они что-то бурно обсуждали, окружив её со всех сторон.

Дунька села на место и уткнулась в учебник. Погрузилась в эпоху Романовых так глубоко, что мозг практически заблокировал слуховые рецепторы. Сквозь них пробивались лишь обрывки фраз: «Вау... серёжки... Это же та самая... как в рекламе...»

Из чтения её выдернула Инга:

— Чо, оглохла, недоразвитая? Иди сюда, тебе что, не любопытно?

Дунька, переполненная копившимся годами гневом и подростковыми гормонами, дала волю Янке и, неожиданно для всех, послала одноклассницу на хуй. Слова вылетели сами. Дунька почувствовала, как кровь прилила к щекам, а руки перестали дрожать.

В тот момент в дверях, словно из ниоткуда, возникла ис-

торичка, никак не ожидавшая от гордости школы подобного невежества. Девочки разбежались по местам, а перед Дунькой наконец открылась картина, которую до этого скрывали семь спин одноклассниц.

За партой, словно Шамаханская царица на троне, восседала Инга. На лице — дерзкий макияж, причёска намертво закреплённая стойким лаком, вся увешанная блестящей бижутерией.

На её парте лежали несметные сокровища: блоки жвачек WRIGLEY'S SPEARMINT, DOUBLEMINT и Juicy Fruit, упаковка апельсинового Tic Tac, коробка с надписью «Love is...», листы с разноцветными самоклеящимися серьгами.

Все эти богатства ей привезли родители из Германии.

Инга отмечала свой день рождения — отмечала с размахом.

Ребята с нетерпением ждали училку, которая должна была запустить праздничную канитель и приблизить момент вручения угощений. Не все именинники приносили такие щедрые дары: как правило, они ограничивались пакетом ирисок.

Нетерпение ребят зашкаливало.

Учительница обвела взглядом Ингу, затем перевела его на Дуньку, поправила очки — и вышла из класса.

Через десять минут Дунька и Инга, опустив глаза в пол, стояли в кабинете директрисы. А ещё через пятнадцать та же училка, наклонив рыдающую Ингу над раковиной в туалете, смывала с её лица вызывающий макияж — тот самый,

что «превратил скромную школьницу в заморскую проститутку». Так сказала училка, когда-то возглавлявшая дружинников.

Пока остатки забугорной косметики стекали в ржавые трубы советского водопровода, Дунька, сидя с Мамой визави в учительской, покорно выслушивала её угрозы.

Мама клялась всеми святыми, что, как только они доберутся до дома, она отходит Дуньку ремнём до кровоподтёков на заднице — так, что та, «паршивая овца», сидеть не сможет вплоть до окончания школы. Мама грозила вырвать ей язык и вставить его в то место, откуда вылезают те же нечистоты, что из её «поганого рта».

Дунька отчётливо представляла всё, что со зла несла Мама. От всплывающих перед глазами картинок в зобу спирало дыхание.

«Видишь, что ты натворила, — молча бубнила она Янке, — теперь мне точно несдобровать...»

«Зато полегчало, скажи?» — усмехнулась та, не скрывая радости.

1993 год. Декабрь. КАДР ШЕСТНАДЦАТЫЙ “Лолкину ж мать”

Вскоре после этого у Дуньки появилась долгожданная подруга — Лола.

Она была на год старше по возрасту и, наверное, на целую жизнь — по количеству свалившихся на неё неприятностей.

Лола носила дурацкую стрижку в виде горшка и брекететы. Была полной, передвигалась грузно, переваливаясь с одной ноги на другую.

Когда приходилось бегать на уроках физкультуры, её массивная грудь вздыбливалась — будто волна цунами к подбородку, — а потом, словно лавина, сошедшая с Эльбруса, плюхалась ей на живот. Это вызывало гомерический хохот у одноклассников. Даже физрук еле сдерживал улыбку: изображал кашель в кулак и на какое-то время отворачивался.

В школе её дразнили «колобахой» и всячески издевались.

Девочки познакомились на одном из школьных мероприятий. С тех пор не расставались. На переменах болтали о глупых одноклассниках, смеялись над собой, утешали друг друга. Рядом с Лолой Дунька чувствовала себя в своей тарелке. Она видела, как жестокие оскорбления ранят подругу, и понимала её чувства как никто другой.

— Колобаха! — корча рожи, бросали мальчишки, пробе-
гая по коридору мимо них.

— Закройся, засранец! — вступалась за Лолку Дунька.

— Ты-то куда лезешь, чмо тощее?

Девочки переглядывались и улыбались.

Теперь Дунька переносила оскорбления гораздо спокой-
нее. И в этом была заслуга Лолы.

Только Янка портила счастливую картину настоящего. Не
переставала подтрунивать над ней, то и дело кидаясь гадки-
ми упрёками:

— Была одна неудачница — стало две.

А потом долго и надменно хохотала.

Дунька каждый раз закрывала её в шкафу, но Янка давила
на жалость и вновь получала свободу.

Лола росла в интеллигентной семье. Родители стремились
превратить её в идеального человека и, по-видимому, одна-
жды планировали запустить в космос для общения с пред-
ставителями более развитых внеземных цивилизаций.

Несмотря на все надежды, возложенные на Лолкины пле-

чи неподъёмным грузом, та даже не собиралась удовлетворять родительские амбиции.

Лолке хотелось гулять и веселиться — желательно в компании крутых ребят. Но, чтобы стать крутым, нужно было иметь: деньги, презентабельную внешность или хотя бы склонность к самоуничтожению — в идеале всё вместе.

В тринадцать лет, поругавшись с мамой, Лола сбежала из дома и попробовала наркотики. Под удушающие откровения Земфиры девочке впервые всадили иглу в вену. Это произошло в наркоманском притоне соседней пятиэтажки.

Тогда всё на этом и закончилось. Родители вмешались вовремя.

На пике дружбы Дунька вывихнула лодыжку и целый месяц просидела дома. Вернувшись в школу, узнала о том, что Лолы больше нет.

Местные наркоманы снова посадили её на иглу. Им было выгодно совращать молодежь: наркотики приносили отличный доход.

Когда после очередной дозы Лолка отключилась, её юным целомудренным телом воспользовался отмороженный по всем пунктам Михей — престарелый (по меркам подростков) и ВИЧ-инфицированный наркоман. Узнав об этом, родители устроили Лолке грандиозный скандал. И она ушла из дома, стянув из родительской заначки приличную сумму.

Несколько дней провела в притоне. А потом, в состоянии наркотического опьянения, встала на край крыши и, широко

раскинув руки по сторонам, прыгнула с пятиэтажной высоты.

В смерти Лолы Дунька винила её родителей. Они слишком давили на дочь. Ругали даже за четвёрки. Лола не раз на них жаловалась. Дунька сравнивала их с Мамой, и злость вскипала в ней ещё сильнее.

Каждый раз, огибая угол Лолкиного дома — стоящего напротив школы, — Дунька вспоминала её историю. Тогда неприязнь к её родителям усиливалась, подталкивая к действию.

Однажды, проходя мимо, заметила, что дверь в Лолкин подъезд распахнута настежь. И она вошла.

Поднявшись на третий этаж, остановилась перед её квартирой.

— Давай, станет легче, — шепнула Янка.

И Дунька вынула из портфеля чёрный маркер. Она долго держала его перед собой, крепко сжимая пальцами. Не решалась совершить задуманное. А потом, поддавшись сиюминутному порыву, написала большими буквами на входной двери: «Предатели!»

Признав Лолку отмищённой, испытала моральное облегчение.

В моменте совесть её не мучила.

МЕЖДУ КАДРАМИ “Равновесие”

Дунька ещё долго жалела о своём поступке. Боялась, что однажды её разоблачат. Да и совесть, наконец проснувшись, отбрасывала любые другие мысли, возвращая её к воспоминаниям о сделанном.

Янка, напротив, её не судила. Подбадривала и уверяла, что скоро она обо всём забудет. В то время невидимая подруга старалась обходить острые углы. Ловко избегала злободневных тем, направляя разговоры в позитивное русло. Оберегала Дуньку от правды, которую давно осознала сама: мир суров и требует от человека стойкости и сопротивления. Эта истина была не такой уж неожиданной, но для Дуньки, жившей в мире грёз, она оставалась непостижимой.

Мысли о Лоле причиняли ей боль. То и дело она натыкалась на мелочи, из которых состояла их дружба: записка в кармане куртки, наспех нацарапанная Лолкиным кривым почерком; закладка в дневнике, которую та ей подарила, потому что у неё было две одинаковых...

Янка смотрела, как Дунька тоскует, искренне желая её встряхнуть. «Хватит! Утри сопли! — рвалось из неё. — Ничего уже не исправить. Нужно идти дальше!»

Но она молчала.

В ответ Дунька кривила душой и старалась угождать Янке. Поддерживала все её безумные идеи. Как-то даже огрыз-

нулась на надоедливую старушку:

— Идите своей дорогой! Если вам нечем заняться, запишитесь в старушечий хор, — резко бросила она.

Такие поступки были для неё немыслимы. Но ей хотелось угодить Янке. Спорить с ней она теперь боялась — других подруг не было, и казалось, что больше никогда не будет.

Они обе будто сдали назад: пытались найти хрупкое равновесие. Однако долго сохранять нейтралитет не могли.

И Дунька, и Янка понимали: искусственно созданная гармония — лишь временная иллюзия. Она подобна мигу, когда день и ночь сходятся на стыке единственной секунды, по истечении которой каждый должен пойти своей дорогой — день к свету, ночь — во тьму.

1994 год. Март. КАДР СЕМНАДЦАТЫЙ “Лучик Елены Николаевны”

Четверть пролетела незаметно — и впереди Дуньку ждали каникулы. Однако Мама вновь подкинула проблем.

Проходив на работу с лёгкой простудой целую неделю, она всё-таки свалилась с гриппом.

Все домашние хлопоты легли на Дуньку.

Она с усердием орудовала утюгом, когда затрещал телефон. Мама, недовольно встав с постели, поплелась на кухню. Сняла с рычага трубку и прохрипела:

— Алло... Да, я приболела, грипп, да... Что? — Мама нахмурилась. — Нет, я не могу... Но... — В трубке прозвучали длинные гудки.

Мама, явно чем-то озадаченная, заглянула в комнату, а потом вернулась на кухню.

Через полчаса раздался звонок в дверь. Как-то резко, нетерпеливо — три раза подряд. Мама нехотя открыла. На пороге стояла взъерошенная Елена Николаевна с партитурой в руках.

Елена Николаевна оглянулась, прежде чем войти, а потом

спросила, одна ли Мама.

— Разумеется, нет, Дунька дома, — ответила она.

— Дунька-то ладно, а больше никого? — уточнила Елена Николаевна.

— Нет, — отрицательно кивнула Мама.

Настойчивость Елены Николаевны перерастала в навязчивость. Мама, еле сдерживаясь от вербального возмущения, раздражённо спросила:

— Ленчик, а ты чего? Что-то случилось?

— Случилось, — шепнула Елена Николаевна и юркнула на кухню — прямо в обуви.

Мама не любила незваных гостей — даже если они были близкими подругами, — особенно когда те забывали разуться на тряпочке. Такая наглость выключала Мамин самоконтроль и действовала на неё, словно мулета на быка.

Казалось, сейчас из её ноздрей пойдёт пар, она ударит копытом в пол и ринется на гостя с вилками за неимением рогов.

Что происходило на кухне, Дунька не знала. Она, как всегда, видела только клубы сигаретного дыма и слышала приглушённые голоса из-за рифлёного стекла в деревянной двери.

Через какое-то время дверь приоткрылась. Елена Николаевна, всё так же оглядываясь — будто уверяясь, что за ней нет слежки, — нырнула в комнату.

Дунька, взглянув на неё, опешила. Они не виделись почти два месяца — и теперь перед ней стояло то, что от Елены Николаевны осталось.

Перед ней предстало худое, измождённое тело с хтоническим взглядом из-под лба. Елена Николаевна смотрела на Дуньку, не сводя глаз, — словно выворачивая наизнанку. Пыталась улыбаться, но её губы дрожали и искажались, будто улыбаться её заставляли под дулом пистолета.

Мама вошла следом и условным знаком показала Дуньке, что Елена Николаевна малость не в себе.

— Дуня, привет! — начала она.

Её голос, обычно наполненный музыкой, звучал сломано. Слоги перемежались с глухими провалами, и Дуньке показалось, что Елена Николаевна повредила голосовые связки.

— Дуня, я должна рассказать тебе кое-что важное: я... раскрыла секрет счастья! Ты удивишься насколько он прост!

Не знаю, почему никто до сих пор его не разгадал. Хотя, наверное, объяснение у меня всё же найдётся... Никто не задумывается о счастье, всем только деньги подавай. Но деньги, Дуня, не могут сделать человека счастливым, и, кажется, кое-кто стал об этом догадываться... Теперь они охотятся за мной. Им нужна формула счастья.

Дунька нервно почесала затылок, потом присела. Монолог Елены Николаевны напоминал детский лепет. И Дунька, глядя на неё, не могла отделаться от мысли, что перед ней сидит несмышлёная девчонка, лицо которой, по чистой случайности, оплела сетка морщин.

Тем временем Елена Николаевна продолжала:

— Тебе, наверное, уже не терпится узнать, о чём я говорю? Так вот, слушай. В тот день я смотрела на лучик солнца, падающий на фортепьяно. Он искрился, будто вовлекая меня в свою игру. Я открыла крышку и принялась играть ноктюрн. А лучик играл вместе со мной — и я в первый раз увидела музыку! Теперь она проникала в меня не только через уши, но и через глаза. Когда лучик исчез, спрятавшись за облаками, музыка поблёкла, словно потерялась. Она больше не была такой объёмной и всепоглощающей. Тогда я всё поняла и записала формулу счастья.

Потом лучик вернулся и позвал меня с собой. Я села на его край и воспарила над землёй. Меня держало само солн-

це, представляешь? Я почувствовала себя невероятно счастливой, как никогда раньше...

Елена Николаевна неожиданно замолчала, изменилась в лице и жестом призвала Дуньку поближе к себе. Дунька подошла, встала рядом.

— Я записала формулу вот сюда, — ткнув в папку, шепнула она. — Твоя мама сказала, что я выжила из ума. И тебе она скажет то же самое, когда я уйду. Но ты ей не верь, обещаешь?

Дунька вопросительно взглянула на Маму. В ответ на её взгляд Мама положительно кивнула — лишь бы нежданная гостыя поскорее ушла.

— Обещаю, — ответила Дунька, скрестив за спиной два пальца.

Елена Николаевна на миг успокоилась, но потом её словно осенило. Она перепрыгнула с дивана на табурет и восторженно закричала:

— Я докажу! Докажу — и ты точно поверишь! Хочешь покататься на лучике прямо сейчас?

Елена Николаевна странным образом склонила голову к плечу и, не снимая с лица дурацкой улыбки, начала рассказываться из стороны в сторону.

Недоумение Дуньки росло. Она пожимала плечами, не зная, что ответить.

Ситуацию спасла Мама:

— Ленчик, я болею, и Дунька квёлая с утра. Наверное, тоже грипп подхватила. Ну какой сейчас лучик? Ты давай, покатайся сегодня без нас, договорились?

Елена Николаевна взглянула на Маму осознанно, словно поняла — на один лишь миг — что несёт чушь. Затем её взгляд снова рассеялся, и она спешно направилась к выходу.

На пороге она ещё раз обернулась. Прильнув к Маминому уху, прошептала:

— Если вдруг случится так, что меня не станет, сохрани партитуру. За ней охотятся. Спрячь, поняла?

Елена Николаевна сунула ошарашенной Маме в руки папку и, накинув капюшон, сбежала вниз по лестнице.

Мама закрыла входную дверь и обернулась к Дуньке. Та стояла на месте, как вкопанная. В её взгляде читался страх. Взволнованная Мама кинулась сумбурно объяснять Дуньке поведение подруги.

Но Дунька её не слушала. Она думала совсем о другом. Сравнивала Мамины божественные вакханалии с шизофренией Елены Николаевны — и не находила особой разницы.

На языке крутилось то, что она очень хотела направить в Мамины уши:

«Каждый сходит с ума по-своему, Мама», — порывалась сказать она.

Дунька хотела показать Маме на примере Елены Николаевны, как та сама выглядит со стороны — когда рассказывает небылицы о Боге или смотрит на иконы, словно на волшебную палочку.

Но она промолчала. Переубедить Маму всё равно бы не удалось. Её богоцентричное мировоззрение отторгало страшную правду: помощи с небес ждать бессмысленно.

Начиная с того самого дня, Дуньку не покидал страх: что Мама тоже больна. Больна неизлечимой божественной болезнью. Ведь она, так же как Елена Николаевна, верила в то, чего не было на самом деле.

1994 год. Апрель. ЗА КАДРОМ “Но пасаран!”

После визита неменяемой Елены Николаевны Мама вычеркнула её из списка близких подруг и даже не вспоминала о её существовании — пока в один из дней на пороге не появились её мать, Анфиса Львовна.

От неожиданности Мама запаниковала: глаза забегали, речь стала сбивчивой. Она испытывала чувство вины и стыда за то, что смалодушничала по отношению к Елене Николаевне, не оказав той должной поддержки в трудную минуту.

— Мы оказались слишком разными, — выкручивалась она, отвечая на неудобные вопросы знакомых.

В действительности всё было гораздо сложнее.

Мама никого не любила. Люди для неё были либо плохими, либо хорошими. Хорошие ей не попадались — так она считала.

Способность быть любезной Мама не утратила. С каждым, кто приходил в её дом, держалась вежливо и почтительно. Но как только закрывалась входная дверь, из Мама выскакивали все на свете черти.

— Чего таскаются, непонятно! Будто мне есть дело до их проблем. Я же не шастаю к ним со своими... — возмущалась она. — Только полы протёрла — и на тебе, припёрлись. Грязи нанесли — теперь убирай за ними.

Когда Мама немного успокоилась, она предложила Анфисе Львовне выпить чаю. Они закрылись на кухне и долго беседовали.

— Ниночка, я всё понимаю, — начала Анфиса Львовна. — Ты, наверное, уже и забыла про Ленку, но мне забыть о ней не так просто: она моя дочь.

Анфиса Львовна сделала паузу и утёрла носовым платком слёзы.

— Эта проклятая болячка преследует нашу семью, как злой рок. Шагает через поколение. Знаешь, Ленкину бабушку — мать мою — шизофрения до гробовой доски довела. Та полжизни скрывалась от потусторонних сил. А перед смертью оставила на стене послание. Так и написала жидким старичьим дерьмом над кроватью: «Но пасаран!» — и воткнула вязальную спицу себе в горло.

Мама сглотнула: эти подробности из родословной подружки были ей неизвестны, но она промолчала, стараясь не пе-

ребивать гостью. Ей хотелось, чтобы та поскорее ушла.

Анфиса Львовна, будто почувствовав Мамино настроение, оборвала речь на полуслове:

— Но что это я, право, грузу тебя своими проблемами? Я вот по какому вопросу: если ты сохранила Ленкины записи, отдай мне их, пожалуйста. Ты же не думаешь, что я ей враг? Ленка без этой своей партитуры уже третий день есть отказывается.

Мама, ни секунды не сомневаясь, достала папку с антресолей и с облегчением вручила её Анфисе Львовне. Теперь она окончательно разделалась с бременем более неудобной ей дружбы и избавилась от его остатков, тяготящих совесть.

— Честно говоря, я очень рада, что вы зашли... — сказала Мама.

— Опять солгала, — бросила Янка, услышав обрывок разговора, а Дунька кивнула в знак согласия.

1994 год. Август. ПЕРЕСТРОЕЧНЫЙ КАДР “Дефицит”

А потом закрутился маховик перестройки. Всё вокруг менялось вместе с Дунькой.

В какой-то момент, совершенно неожиданно для Мамаы, её интересы обрели другую направленность. Она начала познавать азы моды и засматриваться на витрины. Индустрия красоты, только-только начавшая набирать популярность, поглотила её внимание целиком.

В очередной раз открыв платяной шкаф, Дунька обнаружила, что их с Мамой семья находится за чертой самого среднего достатка.

На нижней полке, выстроенные в ряд, стояли Дунькины коричневые ботинки. Они отличались друг от друга лишь оттенком и размером. Мама выгодно приобрела их на три года вперёд, когда ботинки выбросили в комиссионку из правительственных магазинов. Там о дефиците не знали даже уборщицы.

Приобрести вещи другим способом было сложно. Конечно, чтобы открыть двери к переполненным прилавкам, можно было стать валютной проституткой. Но Мамин клерикальный мир не допускал и помысла о подобном религиоз-

ном преступлении.

На деревянных плечиках висел Дунькин зелёный костюм — в качестве эксперимента связанный тётёй Светой на новой зарубежной машинке.

Костюм достался Маме совершенно бесплатно. Дунька ходила в нём в школу уже два года. Юбка налезала, но была до неприличия короткой. Зато из кофты она ещё не выросла, поэтому менять костюм на новый Мама не планировала. Как и штопанные-перештопанные колготки, которые свисали с пятой точки до самых колен.

Школьную форму к тому времени отменили, но Маму это радовало лишь в той части, что белые воротнички больше не приходилось отпаривать, отбеливать, крахмалить, отглаживать и пришивать обратно.

Шить Мама не любила и делала это только в случае крайней необходимости. Натягивая порванный носок на грибок для штопки, высказывала очередное «фи» правительству и долго водила иглой туда-обратно.

Острая игла в Маминых руках напоминала бомбардировщик, который то пикировал вниз, пробивая носочное облако, то взмывал вверх, оставляя за собой длинную выхлопную нить.

Еще несколько плечиков занимали домашняя одежда, спортивная кофта, свитер и летний сарафан. В самом углу,

до которого было сложно дотянуться из-за сломанной дверцы, прятались безразмерные штаны и белая водолазка. Эти вещи считались парадными, и носить их Мама позволяла только в особых случаях.

Штаны были у Дуньки сколько она себя помнила. Когда-то давно Мама их подогнула и аккуратно подшила, не обрезая лишней ткани. Таким способом сохранила возможность распороть штанины и отогнуть обратно, когда придёт подходящее время.

Однажды Дунька до них доросла, но по размеру они оставались ей недолго. Когда отгибать стало совсем нечего, Мама, стараясь сохранить лишний сантиметр, перестала подшивать их вовсе. С каждым сезоном штаны становились всё короче, и к тому моменту, когда Дунька стояла перед шкафом, едва доставали до щиколоток.

Она еле сдерживала слёзы.

— Мир меняется, а штаны остаются, — добила Янка, взглянув из своего шкафчика, и тут же захлопнула дверцу изнутри.

Повод убедиться в том, что Дунька находится за чертой самого среднего достатка, не заставил себя ждать благодаря маме Насте.

1994 год. Сентябрь. КАДР ВОСЕМНАДЦАТЫЙ “Мама Настя”

В гостиную беспардонно вторгся запах булочек, и семейство ринулось на кухню. Сидя за столом, домочадцы обсуждали прошедший день, делились сплетнями и новостями.

Девочки хвалились успехами в школе. Успехи были, конечно, так себе, но не одними же оценками успешен человек! Маринка, вот, например, сегодня кучу комплиментов получила от подружек за крутянский прикид, а Ксюху пронесло — не её к доске вызвали, а следующего по журнальному списку одноклассника.

— Ой, — зашебетала Маринка, пытаясь поддержать разговор, — у нас в классе девочка есть, Дуня зовут, представляете? Странная такая, вечно в обносках ходит, колготки до колен свисают, а юбка до того короткая, что стыд, да срам. Учится она, конечно, хорошо — отличница, гордость школы, — но видок у неё, я вам скажу-у-у... Все мальчишки над ней хохочут. В голос...

Маринка сделала паузу, откинула выющиеся пряди волос назад и заглянула в зеркальце, чтобы подтвердить себе самой

явное внешнее превосходство над Дунькой, а потом продолжила:

— Я тоже хохотала, пока не застала её в столовой — рыдающей над перловой кашей. И жалко её так стало! Я села рядом и спрашиваю: что случилось? А она посмотрела на меня зло так и молча ушла.

Я потом поняла почему. В прошлом месяце Инга над ней подшутила: засунула ей в почтовый ящик записку с признанием в любви и приглашением на свидание — якобы от мальчика, от Антошки Звонарева. А он Дуньке нравится давно. Все это знают. Она и пришла, а девочки из подъезда за ней наблюдали и на следующий день всем рассказали, какая Дунька наивная дура, — да ещё при мальчишках. Звонарёв громче всех ржал.

Мама Настя выдержала паузу и глубоко вздохнула:

— В вашем возрасте дети бывают очень жестокими. Им бы только позабавиться. Ну не просто же так она в колготках штопанных ходит! Наверняка денег в семье не хватает. Смеются над другими только неудачники. Эта девочка... Как ты сказала её зовут?

— Дунька, — опередила сестру Ксюша.

— Да, не самая удачная идея назвать так ребёнка в наше время... Но вы... Вы ведь не инфузории-туфельки, чтобы судить человека по его имени...

— Инфузории-туфельки, — прыснула Ксю, завалившись на спинку стула. Но, наткнувшись на строгий взгляд папы Лёши, моментально смолкла и выпрямилась.

А мама Настя невозмутимо закончила оборванную фразу:

— Вы должны быть добрее. Пообщайтесь с ней. Общение вам пойдёт на пользу.

— Ну ма-а-ам, — протянула Ксю, — она странная. Как что-нибудь ляпнет, так хоть стой, хоть лежи... Нас потом тоже стებაь начнут.

— Падай, — засмеявшись, поправила Ксюшу мама Настя.

— Ну падай, да, — опутив голову, пробубнила Ксю и добавила: — На самое дно, Ма-а-ам...

Мама Настя стояла на своём и всё-таки сумела переубедить девочек.

В тот вечер они ещё долго не могли уснуть. Шептались, строя планы на Дунькино счастье. Им не терпелось их реа-

ЛИЗОВАТЬ.

КАДР ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

“Семья напрокат”

На следующий день сёстры пригласили Дуньку в гости. Счастье окутало её, словно тёплая бабулина шаль. Дунька оттолкнулась от земли и метнулась ввысь, хлопая крошечными крылышками на сандалиях.

С небес её спустила Янка:

— Наверняка очередной розыгрыш, — горько усмехнулась она.

— Нужно верить людям, — робко ответила Дунька.

— Ну да, конечно. Ты уже один раз поверила, когда на «свидание» к Звонарёву пошла. И что вышло?

Дунька не хотела слушать подружку. Её мысли были уже далеко. Надев парадную белую водолазку, она направилась по адресу, записанному на обороте тетради по математике.

В этот раз Янкины страхи не оправдались. Мама Настя приветливо её встретила и пригласила пройти в зал. Принесла девочкам мороженое в хрустальных пиалах, а потом растворилась, словно красивая мечта, в бескрайнем простран-

стве шикарной квартиры.

Когда двери в зал распахнулись, Дунькин взгляд наткнулся на невиданную роскошь: огромный телевизор, бледно-жёлтые, скорее песочные, обои, два больших фикуса в углу подле окна и шторы на люверсах из особой ткани.

— Такая только в Индии продаётся», — любила хвастаться мама Настя.

Свет экрана падал на огромный кожаный диван цвета экрю, на котором распластались Ксюха и Маринка. Дунька держалась скромно. Сидела, прижав колени друг к другу, чуть наклонив их в сторону — как принцесса Диана. Та восхищалась её королевскими манерами и утончённостью. По телевизору как-то сказали, что принцессы ноги не скрещивают и тем более не расставляют.

Маринка и Ксю родились с разницей в несколько минут. Маринка появилась на свет первой и, считаясь старшей сестрой, вела себя соответственно. У девочек, конечно же, были отдельные комнаты — у каждой своя. Но по комнатам они не прятались, несмотря на то, что комнаты были не условно личными, а безусловно. Как у Янки. Правда, в отличие от Янки, девочек принесли домой папа с мамой, завёрнутыми в розовые конверты. Об этом кричали семейные портреты на стене

На первой фотографии, сияя молодостью, улыбались мама Настя и папа Лёша. На второй — свадьба. А дальше, в хронологическом порядке, — девочки.

— Когда-нибудь, — гордо говорил папа Лёша, глядя на стену, — здесь появятся фотографии моих внуков!

— наших, — поправляла мама Настя. Каждый раз поправляла.

Глядя на эту идеальную семью, Дунька наслаждалась возможностью стать её частью — хотя бы в качестве гостя. А Янка, притаившись где-то в глубине Дунькиного сознания, завидовала, медленно разлагая Дунькину наивность изнутри.

Янка испытывала болезненное чувство несправедливости:

— Почему одним всё, а другим ничего? — задавалась она вопросом. — Им и папка, и деньги, и внимание, и любовь, а нам, Дуня, что? Нам — кукиш с маслом, вот что! — навязчиво шептала она.

Дунька пресекала её недовольство, напоминая о людях, которым приходится хуже.

— Хватит! У меня от тебя уже голова болит, — мысленно отвечала она. — Перестань! Или будешь сидеть в своём шкафу безвылазно. Я больше не стану брать тебя с собой, если ты не образумишься.

— Не нравится? А ты обернись и посмотри перед собой. Что видишь? Да: отметки роста сестёр на косяке. А у тебя дома такие есть? Нет. Знаешь почему? Потому что твоя мать боится косяк испачкать. Будто ты грязь какая-то....

Мысли Дуньки перебил вернувшийся с работы папа Лёша.

— Папа дома, — послышалось из прихожей. — Где мои любимые девочки? А, вот вы где! — воскликнул он, распахивая двухстворчатую дверь в гостиную.

Дунечка вжалась в диван и потупила взгляд.

— А что это за очаровательное создание у нас в гостях? — заметив Дуню, поинтересовался папа Лёша.

Он сразу понял: это та самая девочка. Но ему хотелось быть любезным.

— Здравствуйте, — тихо произнесла Дуня, не отрывая смущённого взгляда от пола.

— Здравствуй, милая! Я очень рад, что ты нашла время заглянуть к нам!

«Нашла время заглянуть?! Да я бы у вас жить осталась, будь моя воля», — вспыхнула Дунька, глядя на галантного мужчину, над головой которого парил нимб.

Увидев отца, сёстры бросились ему на шею. Он их обнял, получив в ответ поцелуи в обе щёки.

Девчонки с папой были покладистыми и ласково вили из него верёвки. Он всё понимал, но вида не подавал и маме Насте говорил:

— Пусть лучше на мне потренируются мужиками управлять.

Мудрый. Терпеливый. Выдержанный, как дорогое вино. Дунька бы стоя аплодировала, если бы не врождённая сдержанность и скромность.

Она вообще не знала, что это за «зверь» такой — папа.

«Отец, вот ещё! Мне Матери хватает за глаза и за уши», — размышляла она, наивно полагая до этого момента, что папа, если что и сможет, то лишь подкинуть проблем.

К религии семья Маринки и Ксюши относилась скептически. Иногда папа Лёша, перед тем как приступить к еде, изображал праведника: взяв за руки дочерей, саркастично произносил:

— Хвала господу!

На этом благодарственная молитва заканчивалась — и все, не сдерживая смеха, приступали к поглощению хлеба насущного, данного днесь.

Вот и в тот вечер, когда дело дошло до ужина, папа Лёша саркастически помолился и принялся расспрашивать Дуньку о её увлечениях, семье и успехах в учёбе.

Дунька отвечала односложно — смущению не было предела. Возможно, за всю свою жизнь она первый раз сидела за одним столом с настоящим отцом — чужим, разумеется, но отцом ведь!

Вечер пролетел незаметно, и из своих крылатых грёз Дунька с грохотом рухнула в реальность. Настало время вернуться к привычной жизни.

Папа Лёша проводил её до подъезда и, пожелав доброй ночи, скрылся за углом соседней пятиэтажки. Перед сном, ощутив сладкое послевкусие ушедшего вечера, она предавалась фантазиям.

По тёмно-белому потолку скользил свет фар проезжав-

ших мимо машин. Уставшая Мама сопела на диване, с улицы доносился лай собак, а Дунька — будто взяв семью двойняшек напрокат — вновь сидела за круглым столом на кухне мамы Насти. За обе щёки уплетала вишнёвый пирог под рассказ папы Лёши о счастливом дне её появления на свет.

На стене в гостиной, перед розовыми конвертами с Маринкой и Ксю, висела фотография с её — самым красивым, усыпанным блёстками и расшитым серебристыми нитями.

Вечер в кругу настоящей дружной семьи существенно задрал планку. Она не могла ни о чём больше думать. Теперь она знала, на кого равняться и к чему стремиться.

Янку Дунька закрыла в шкафу — ибо та не могла угомониться и мешала ей мыслить позитивно.

— Посиди, подумай, — строго сказала она с Маминой интонацией, закрывая дверцу. — Надеюсь, ты сделаешь правильные выводы!

Близкой дружбы с девчонками у Дуньки не получилось, но теперь в школе сёстры вели себя с ней любезно.

Ксюша, так и не сумев побороть страх быть осмеянной за дружбу с Дунькой, здоровалась с ней сквозь зубы — предварительно убедившись, что этого никто не видит. Она всегда куда-то спешила, стоило Дуньке завести с ней разговор.

Более смелая Маринка держалась увереннее. Популярность среди ребят позволяла ей вести себя так, как она счи-

тала нужным. Иногда она садилась рядом с Дунькой в столовой, и они вместе страдали над перловой кашей, размазывая погнутыми алюминиевыми ложками распухшие зёрна по краям тарелок.

Так шли дни.

1994 год. Октябрь. ЗА КАДРОМ “Прóклятая квартира”

Осенью 1994 года отбросила коньки бабка с пятого этажа. Именно так выразились соседи, которых бабкин старческий маразм — так же как и Маму — долгие годы доводил до белого каления. Маминой радости не было предела.

Бабка скончалась в возрасте ста двух лет. Несмотря на старческую сухость, была бодрой настолько, что казалась бессмертной.

— Дал же бог здоровья! — всегда говорила Мама, глядя ей вслед.

Бабка пережила мужа и всех своих детей, а вместо них завела свору собак. Выжившая из ума старуха жила прямо над Маминой квартирой.

Собак она выгуливала раз в неделю. Остальное время они гадили на балконе. Всё, что накапливалось в несчастных животных за целый день, они изливали из себя на Мамин балкон, как по расписанию — ровно в двадцать ноль-ноль по московскому времени.

Испражнения стекали с бабкиного балкона по стенам, окну, оставляя разводы на стёклах, затем перебирались на под-

оконник и капали на пол. На это одержимая чистотой Мама молча смотреть не могла.

Сначала она пыталась образумить бабку самостоятельно, потом обратилась в милицию. На заявление менты не отреагировали — дескать, подобные случаи не входят в их компетенцию.

— Идите, тётенька, к участковому, — сказали они. — Вот если бы собаки угрожали вам двустволкой, тогда — да, тогда бы мы уж точно привлекли виновных к ответственности.

Участковый — тщедушный мужичонка с важными усами, которого за глаза называли «полторашкой», — пару раз проводил с бабкой профилактические беседы. Но та упиралась и клялась Пресвятой Девой Марией, что Мама всё придумала или сильно преувеличивает. Просила уважать старость и не докучать ей почём зря.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.